

Наталия Антонова

Любовь как
УЛИКА

РАССЛЕДОВАНИЕ
• 3а •
ЧАШЕЧКОЙ
~ 7аю ~

Уютный детектив

Уютный детектив

Наталия Антонова

Любовь как улика

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Антонова Н. Н.

Любовь как улика / Н. Н. Антонова — «Эксмо»,
2021 — (Уютный детектив)

ISBN 978-5-04-118920-4

Любви все возрасты покорны, вот и немолодой преподаватель вуза Борис Гусаров не может устоять перед юной Катей. А до нее – перед юной Кристиной, Асей и другими прекрасными дамами! Ведь Катя – уже третья жена Бориса. Супруги выглядят замечательной парой, но у каждого из них есть романы на стороне. Это многообразие любовных связей очень осложнило работу полиции, когда Гусарова обнаружили убитым. К счастью, частный сыщик Мирослава Волгина не сентиментальна и за делами сердечными не упустит нить расследования...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-118920-4

© Антонова Н. Н., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Наталия Николаевна Антонова

Любовь как улика

Роман

Действующие лица и события романа вымышлены, и сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Антонова Н. Н., 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Глава 1

Было тихо. Только время от времени от близлежащей дороги доносился шум проезжающих автомобилей. Ещё не проснувшийся до конца предрассветный ветер лениво дул на следы ночного дождя, и они исчезали буквально на глазах.

В окнах домов начинали зажигаться огни. Это просыпались «жаворонки», коими единицы являются по натуре, а остальные – по необходимости тащиться на работу чуть свет. Тут уж, согласитесь, не до совиных привилегий поспать подольше. Где-то совсем рядом залаяла собака, и немолодой мужской голос ласково проговорил:

– Тише, Тотоша! Тише.

Но собака не унималась и даже стала лаять громче. И тут всё тот же мужской голос глухо вскрикнул:

– О господи!

Тут нетрудно себе представить, как мужчина хватается за сердце. Но на самом деле он схватился за сотовый телефон и стал торопливо тыкать дрожащим пальцем в кнопки, вызывая сначала «Скорую», а потом полицию. Обе машины приехали незамедлительно. Уже начинало светать, и было видно, что из-под головы странно скрючившегося на асфальте человека натекла большая лужа крови. Врач «Скорой» оказался бессилен помочь жертве нападения и уступил место судмедэксперту, который, осмотрев труп, сказал, что удар нанесли предметом, похожим на узкую трубу или толстый металлический прут. Следовательно, всё это время топтавшийся недалеко от судмедэксперта, потребовал уточнений. Но получил традиционный ответ:

– После вскрытия.

Плюсом было то, что жертва сразу же была опознана обнаружившим её Михаилом Петровичем Шахматовым, который в столь ранний час выгуливал свою собаку. Именно пёс по кличке Тотоша и нашёл убитого. Им оказался Борис Аввакумович Гусаров – преподаватель вуза, живший в одном доме с пенсионером Шахматовым.

Михаил Петрович сразу назвал номер квартиры, в которой Гусаров проживал вдвоём со своей женой Екатериной. Почему преподаватель вуза в этот поздний или, вернее, ранний час оказался на улице, пенсионер, как и следовало ожидать, не знал. Что интересно, при пострадавшем не было ни документов, ни денег, ни сотового телефона. Это могло говорить в пользу ограбления.

Следователь Александр Романович Наполеонов абсолютно не выпался и потому был зол. Так получилось, что дежурил он уже вторую ночь подряд. Когда второе дежурство подходило к концу, на пульт дежурного поступил вызов. И вот вам, пожалуйста! «Веселится и ликует весь народ!» На самом же деле неунывающим из всей группы был только полицейский фотограф Валерьян Легкоступов. Он с упоением бегал вокруг жертвы и всё щёлкал своим фотоаппаратом.

Наполеонов нестати вспомнил, что длинным, стройным ногам Легкоступова завидовали многие женщины из числа сотрудниц. Кто-то даже ворчал, негодуя на природу, – зачем, спрашивается, мужику такие ноги? А подруга следователя, частный детектив Мирослава Волгина, только посмеивалась и говорила:

– А что, классные ножки! Посмотреть приятно.

«И ещё при этом все кому не лень твердят, что женщины равнодушны к мужским ногам. Какая несправедливость!» – думал следователь. Сам Наполеонов похвастаться длинными ногами не мог. Да что там ноги! Весь его рост был 165 сантиметров. Но следователь упорно придерживался мнения, что «мал золотник, но дорог». Вон и Пушкин ростом похвастаться не мог. Зато взял умом и талантом. Не зря народ говорит – «Велика Федора, да дура». У кого всё в рост уходит, а у кого в мозги. Шура повторял это про себя, как героиня Ирины

Муравьёвой в одноимённом фильме твердила: «Я самая обаятельная и привлекательная». И надо сказать, ему это помогало. По крайней мере, комплекса неполноценности из-за своего роста следователь Наполеонов не заработал и на мир не обозлился.

Оперативники, отправленные на поиски орудия убийства, вскоре вернулись с уловом. Один из них обнаружил недалеко от мусорных контейнеров металлический прут. Видимых следов крови на нём не было. Тем не менее прут был отправлен на экспертизу. В самом контейнере была найдена скомканная, почти полностью сгоревшая газета, на которой и было замечено зорким глазом оперативников несколько пятнышек, напоминающих кровь. Один из них предположил, что в неё преступник либо завернул прут, либо ею вытер его после убийства. Со всеми предосторожностями её поместили в специальный контейнер и тоже отправили в лабораторию.

Следователь решил, что настала пора поговорить с женой покойного. Она могла не только опознать его, но и ответить на вопрос, по какой такой надобности преподаватель вуза оказался в неурочный час на улице.

Дверь полиции никто долго не открывал. Видимо, жена пострадавшего спала, несколько не обеспокоенная тем, что законного супруга нет дома. Следователь уже начинал терять терпение.

А Катя на самом деле спала и, когда раздался резкий звонок в дверь, пробудилась далеко не сразу. Сначала даже перевернулась на другой бок и приготовилась досматривать свой прерванный сон. Но в дверь позвонили снова.

«Кто бы это мог быть? – подумала она. – У Бориса должен быть ключ. Неужели он забыл или потерял его?»

Она спустила ноги с кровати, сунула их в тапочки, накинула халат и пошла к двери.

– Кто там? – спросила женщина.

– Откройте полиция!

– Какая ещё полиция?! Вы хоть знаете, сколько сейчас времени?

– Борис Гусаров – ваш муж? – ответили ей вопросом на вопрос.

И только тут она встревожилась.

– Да, – распахнула дверь, – где Боря? Что с ним?

– Вы его жена?

– Да.

– Ваше имя, отчество, фамилия.

– Екатерина Валентиновна Гусарова.

– Екатерина Валентиновна, оденьтесь, пожалуйста, нужно спуститься вниз.

Катя набросила сверху лёгкий плащ и буквально побежала за полицейским.

Своего мужа она увидела сразу, как только вышла из подъезда. Правильнее было бы сказать, что она увидела не Бориса, а то, что от него осталось, но внутренним чутьём она сразу поняла, что это он. Ей показалось, что сердце её сорвалось с места, предназначенного ему природой, и ухнуло куда-то вниз. И там, в самом низу живота, закачалось на тонюсенькой ниточке, грозя оторваться и шлёпнуться в любую секунду на землю. Кате сделалось очень страшно. Она стояла и не шевелилась.

– Подойдите, пожалуйста, – попросили её.

И она подошла. В это время она чувствовала себя механической куклой, которая передвигается, лишённая собственной воли, лишь повинаясь чужому голосу извне.

– Вы узнаете своего мужа?

– Да, – ответила она и не узнала своего голоса. Она действительно видела своего мужа лежащим на земле, но не могла осознать, что это не он сам, её Борис, а только его тело. Ужас сковал все её члены. И вдруг она обмякла и упала бы на землю, если бы её не успел поддержать стоящий рядом полицейский.

– Вам плохо? – участливо спросил он.

– Да, очень, – отозвалась она всё тем же чужим голосом.

Кто-то сунул ей в руки неприятно пахнущую склянку и велел:

– Выпейте.

Она подчинилась, и через минуту холодные щупальца безысходности ослабли, но не отпустили её окончательно. Она увидела, как её мужа переложили на носилки и погрузили в машину.

«Может быть, он жив?» – мелькнула слабая надежда. В кино Катя видела, что полиция упаковывает мёртвых в мешки. А Бориса не упаковали. Стало быть, он ещё не умер.

– Вы можете разговаривать? – спросил её следователь.

– Да. Боря ведь ещё не совсем умер? – спросила она так наивно и доверчиво, что у сотрудников полиции сжалось сердце. Никто ей не ответил. Вместо этого ей отдали его платок, расчёску, ключи.

– Посмотрите, Екатерина Валентиновна, и скажите, что пропало.

Она машинально посмотрела.

– Здесь нет Бориных документов, он всегда носил их с собой, бумажника, записной книжки, сотового телефона и зажигалки.

– У Бориса Аввакумовича было с собой много денег?

– Нет. Хотя точно я не знаю.

– Вы сказали, нет записной книжки. Вы имели в виду бумажную книжку?

– Да, – Катя почему-то смутилась, – мой муж в этом вопросе был старомодным.

«Эта старомодность могла бы помочь следствию, если бы книжка не пропала», – подумал Наполеонов. И спросил Гусарову:

– Откуда ваш муж так поздно возвращался?

– С вечеринки.

– С вечеринки? – В голосе спрашивавшего прозвучало недоумение. Следователь не понимал, как жена так спокойно может говорить о вечеринке, на которую муж отправился без неё.

– Понимаете, один из их сотрудников защитил докторскую, и они решили отметить.

– Где?

– В «Нептуне».

«Нептуном» был самый крутой ресторан города. Сам следователь был там всего лишь пару раз. И то в качестве приглашённого.

«Хорошо живут преподаватели наших вузов, – подумал Наполеонов, – если могут позволить себе устраивать гулянки в „Нептуне“». Но тут же одёрнул себя: «Защита диссертации случается не каждый день».

– Скажите, а ваш муж часто задерживался допоздна?

– Что значит допоздна? – не поняла женщина.

– Ну, например, как сегодня.

– Нет, конечно, – проговорила она, как показалось Наполеонову, с явным облегчением.

– Вы сегодня легли спать, не дожидаясь возвращения мужа?

– Да, Боря предупредил, что вернётся поздно, и велел не дожидаться его.

– И вы не беспокоились?

– Нет, – вздохнула она.

– А если бы ваш муж вернулся, кто бы открыл ему дверь?

– Он сам. У Бори был ключ.

– Где сейчас его машина?

– В гараже.

– Он что же, поехал в ресторан на автобусе?

– Почему на автобусе? – удивилась Катя. – Он заказал такси.

– А обратно его тоже должно было привезти такси?

– Да.

– Екатерина Валентиновна, вы не помните, ваш муж заказывал такси заранее?

– Да, заранее.

– Вы не знаете номер такси?

– Он должен был быть в записной Бориной книжке.

– Может, вы припомните хотя бы название компании, в которой было заказано такси?

– Да. Муж всегда пользовался услугами одной и той же компании – «Олений бег».

«Хоть что-то», – подумал Наполеонов и спросил:

– Правильно ли я понял вас, Екатерина Валентиновна, что на вечеринке, на которую отправился ваш муж, были только его коллеги?

– Скорее всего, да, – не слишком уверенно ответила Катя, и Наполеонов пометил себе – опрос коллег Гусарова.

– Скажите, моего мужа застрелили? – донёсся до Наполеонова голос жены убитого.

– С чего вы взяли? – удивился он.

– Но там, – она указала на застывшую лужицу тёмной крови.

– Нет, его ударили по голове железным прутком.

– О господи! – вырвалось у неё.

– Екатерина Валентиновна, вам нужно вернуться домой. Гаврилов! – обратился он к участковому. – Проводите, пожалуйста, женщину домой.

Катя покорно оперлась на руку участкового, и они вошли в подъезд. Наполеонов тем временем посмотрел им вслед и подумал: «Я, кажется, сейчас засну на ходу. Как это там, в детском стишке Агнии Барто:

Идёт бычок, качается,

Вздыхает на ходу:

– Ох, доска кончается,

Сейчас я упаду!

А подо мной качается земля, и глаза сами собой закрываются. Как хорошо было быть маленьким». Но он тут же превозмог усталость и нашёл в себе силы поддразнить самого себя: «Вот от таких мыслей я и не вырос большим. Ладно, как-нибудь перебыюсь».

Участковый проводил жену Гусарова до двери и спросил, не надо ли позвонить кому-то из родственников.

– Спасибо, я сама, – ответила она.

Оставшись одна дома, Катя долго не могла прийти в себя. А потом позвонила дочери мужа от первого брака и рассказала о случившемся.

Так получилось, что дочь Гусарова Ариадна Борисовна Незвецкая была на десять лет старше Кати и воспринимала её скорее как младшую сестру, чем как мачеху.

– Катя, не плачь, – сказала Ариадна Борисовна.

– Я не плачу.

И тут Ариадне пришло в голову, что поплакать как раз Кате и не мешает. Незвецкая вспомнила способность Екатерины в сложных жизненных ситуациях впадать в заторможенное состояние и превращаться в сомнамбулу. Она считала, что эта эмоциональная особенность мачехи не доведёт её до добра.

– Катя, – сказала она строго, – выпей валерьянки или валокординчику.

– Я уже выпила.

– Молодец. Сиди дома, никому, кроме полиции, не открывай, с соседями не разговаривай. Я сейчас приеду. – Она чуть было не добавила по привычке – «и всё разрулю», – но вовремя опомнилась и повесила трубку.

Глава 2

Сотрудники полиции, опрашивая соседей, неожиданно узнали о ссоре убитого Гусарова с обнаружившим его труп пенсионером Михаилом Петровичем... Сразу несколько человек подтвердили, что слышали ссору Гусарова с Шахматовым, и пенсионер пообещал преподавателю вуза, что ему на голову упадёт кирпич.

– Оба-на! – сказал следователь и спросил: – Из-за чего весь сыр-бор?

Оказалось, что преподаватель добился, чтобы под автостоянку укатали детскую площадку. И все детишки остались без своего уголка для игр и отдыха.

– А что, – рассуждал вслух один из оперативников, – пенсионер вполне мог на прогулке встретиться с приехавшим Гусаровым, и ссора разгорелась снова. Кирпича поблизости не оказалось, и Шахматов вломил обнаглевшему преподу по голове тем, что попало под руку, – металлическим прутком.

– Твоими устами бы да мёд пить, – проворчал Наполеонов.

– А что? Чем вам эта версия не нравится?

– Тем, что между словом и делом большое расстояние. Можно грозить чем угодно и кому угодно, но рукам воли не давать. А можно, и словом не обмолвившись, расправиться с неугодным.

– Можно, конечно, – оперативник почесал макушку, – но тут вроде всё сходится.

– Вроде в огороде, – передразнил его следователь.

Сам Шахматов не отрицал ссоры с соседом и от угроз, произнесённых в его адрес, не отказывался. Но стоял на своём: «Я его не убивал».

Да и большинство соседей встали на сторону пенсионера – мол, в речах горяч Михаил Петрович, но никто никогда не видел, чтобы он занимался рукоприкладством. К тому же он уже собрал бумаги и собирался судиться с соседом из-за незаконной автостоянки во дворе. Старика и другие жильцы поддержали. Бумага должна вот-вот отправиться в суд. Когда самого Шахматова спросили, кто, по его мнению, мог убить соседа, он ответил:

– Кто-кто! Бог не Микитка, он всё видит. Вот и наказал его.

Взяв на всякий случай со старика устное обещание не покидать город, Шахматова оставили в покое. Было видно невооружённым взглядом, что удовлетворения от смерти соседа Михаил Петрович не испытывает, скорее потрясён ею. На этом и решили завершить предварительный этап следствия. Наполеонов наконец сдал дело другому следователю и отправился домой спать.

Мирославе Волгиной с утра позвонила подруга Люся, или, как звали её друзья, Люси́, и предложила вдвоём посидеть в кафе, поболтать о своём, девичьем. Мирослава рассмеялась и согласилась. Они и впрямь давно с подругой не виделись. А ведь когда-то считались неразлучной четвёркой. Но тогда все они – Мирослава, Люси́, Виктор и Шура жили в одном дворе, ходили вместе в школу и обожали собираться в гараже Люсиного отца дяди Паши, где их всегда ждал чай в пивных кружках и горка вкусных конфет «Мишка косолапый».

Но времена изменились. Виктор стал военным, Мирослава и Шура начали работать следователями. Люси на пару с отцом затеяли автосервис. Потом Мирослава оставила правоохранные органы и открыла частное детективное агентство, переехав в коттеджный посёлок. Люси́ купила себе квартиру. И только Наполеонов остался жить всё в том же дворе, где вырос. Там же до сих пор жили и родители Люси.

Первое время Люси́ часто приезжала за город в гости к Мирославе, но потом разросся её бизнес, да и личная жизнь у неё была бурная. Так что видиться они стали редко, больше созванивались. Поэтому, когда Люси́ предложила встретиться, Мирослава не смогла и не захотела

ей отказывать. Тем более что на данный момент никакого расследования детективное агентство «Мирослава» не проводило, а с текущими делами успешно справлялся Морис Миндаугас.

Поставив Мориса в известность о том, что она уезжает на встречу с Люсей, Мирослава заметила тревожный огонёк, вспыхнувший в его глазах.

– Вы не привезёте её сюда? – быстро спросил он.

– Нет, мы посидим в кафе на набережной и разбежимся.

– Вот и отлично, – облегчённо вырвалось у него.

Мирослава невольно улыбнулась. Увы, увы, Люси́ и Морис не сошлись характерами...

Подруга предложила встретиться в «Жемчужине». И Мирослава охотно согласилась. Она любила это милое уютное кафе, расположенное на набережной. Летом там расставляли под навесом разноцветные столики. Поблизости благоухали алиссум, петунии, душистый табак. В чаше фонтана тихо журчала вода. Сидя за столиком, можно было любоваться проплывающими по Волге белыми прогулочными теплоходами, тёмными пыхтящими баржами и ловко снующими по водной глади катерами. Мирослава прибыла на место встречи первой. Но уже буквально через две минуты, увидела сбегающую по мраморной лестнице подругу.

– Я опоздала? – спросила Люся, сверкнув белоснежной улыбкой.

– Нет, это я пришла чуток раньше, – улыбнулась ей в ответ Мирослава.

– Ты уже выбрала столик?

– Нет, ждала тебя.

– Тогда давай вон тот, второй в первом ряду.

– Давай.

Они уселись за столик и сделали заказ.

– Смотри, – сказала Мирослава, – как сегодня отчётливо видно Жигули.

– А ты знаешь, я ведь там сто лет не была! – вздохнула Люся.

– Я тоже, дорогая.

– Знаешь, Слав, нам должно быть стыдно.

– За что?

– Живём не так уж далеко от такой красоты и не можем оторвать попу от стула, чтобы съездить в Жигулёвский заповедник. Ты только подумай, куда наш народ не едет, не летит, не плывёт за всевозможными красотами. А тут под боком!

– Может, ты и права, – согласилась Мирослава, – но работа оставляет не так уж много свободного времени.

– Ага. Только надо учесть одно.

– Что же?

– Тебе не переловить всех преступников, а мне не перечинить все машины.

– Точно, – согласилась Мирослава и добавила в тон подруге, – но надо стремиться к этому.

Они весело рассмеялись и принялись снова смотреть на Волгу.

– А как у тебя дела на личном фронте? – как бы невзначай спросила Люся.

– Нормально, – повела плечами Мирослава, которая не любила распространяться о личном.

– Везёт же тебе! – завистливо вздохнула подруга.

– В чём? – удивилась Мирослава.

– Мужиков ты умеешь выбирать! А я вечно с ними впросак попадаю. Вот взять моего Миху...

– У тебя вроде Толя был...

– Толя был на позапрошлой неделе! Никогда ты не следишь за событиями в моей жизни! – притворно обиженно произнесла Люся.

– Люська! И зачем ты их так часто меняешь?!

- Виновата я, что ли, что мне одни обормоты попадаются! С ними долго не выдержишь!
- Сразу смотреть нужно, что берёшь!
- Ага, – протянула Людмила, – не у всех же такая интуиция.
- Не прибежняйся.
- Я и не прибежняюсь! Но, вот взять хотя бы Миху, – подруга вернулась к тому, с чего начала, – на первый взгляд мужик хоть куда! Здоровый, под два метра! Пыль с моей стенки рукой легко стирает. А как до дела, так тьфу!
- Ну, он же тебе пыль стирает! – улыбнулась Мирослава.
- Смеёшься?! А мне придётся опять невод закидывать.
- Закидывай.
- Может, одолжишь Мориса на время? Всё равно он тебе пока без надобности? – лукаво подмигнула подруге Люси.
- Возьми, если сможешь.
- Жадная ты, Славка!
- Я же сказала, возьми...
- Как же, возьмёшь такого! Между прочим, мне когда-то Витька нравился.
- Я догадывалась.
- А он нет. Подойдёт, шлёпнет по плечу и говорит: «Отличный ты парень, Люси». Ну не дурак ли?
- Полегче на поворотах, он всё-таки мой двоюродный брат.
- И всё равно не умный, – несколько смягчила Люся характеристику для друга, – иначе не пошёл бы по следам отца.
- А куда ему надо было идти?
- Да хоть в учителя!
- Ага.
- А что? Виктор Романенко, учитель рисования! Ведь у него такие чудесные пейзажи получались.
- Получались, – соглашалась Мирослава.
- А теперь как представлю его в пустыне или в горах. Тут бабах! Там бабах! Мороз по коже!
- Люсь, смени пластинку.
- Ладно, уговорила. Но всё-таки вернёмся к мужикам.
- Мирослава весело рассмеялась.
- Смейся, смейся! Но скажи, вот если рассматривать сказочных героев, ты бы на ком остановилась? Только не приплетай сюда Балду.
- Взять хотя бы Хоттабыча, – пошутила Мирослава, – чем не вариант?
- Он же старый! – наморщила нос Люся.
- Как сказала своей дочери одна из героинь «Человека с бульвара Капуцинов», тебе же его не варить.
- Всё равно! – упорствовала Люся. – Хоттабыч не в моём вкусе.
- Мне вот ещё нравится «Иди, не знаю куда, принеси то, не знаю что». Хороший, видать по всему, мужик. И жить будешь за ним как за каменной стеной.
- Так он же невидимый!
- Вот и хорошо. Глаза мозолить не будет.
- Ну ты даёшь! – развела руками подруга и добавила: – А мне всё-таки Миндаугас нравится.
- У него есть один существенный недостаток, – серьёзно проговорила Мирослава.
- Какой же? – тотчас живо заинтересовалась Люся.
- Он не сказочный герой! – рассмеялась Мирослава.

Люся хотела что-то ответить, но тут зазвонил сотовый Мирославы. Она глянула на высветившийся номер и проговорила:

– Да, Морис, слушаю.

– Лёгко на помине, – проворчала подруга и стала прислушиваться к разговору. Но из коротких реплик Мирославы ничего нельзя было понять. Когда она отключилась, Люся спросила:

– Соскучился?

– Не думаю, – улыбнулась Мирослава, – просто просит поскорее вернуться.

– Это ещё зачем?!

– Говорит, что клиентка дожидается.

– Так вы же никого не принимаете без предварительной договорённости.

– Из правил бывают исключения, – задумчиво проговорила Волгина.

– Значит, расстаёмся? – печально спросила Люся.

– Так не навсегда же, – попыталась утешить её Мирослава.

– Нам так редко удаётся посидеть наедине, поговорить за жизнь.

– Ничего, мы выберем время и соберёмся в гараже твоего отца. Посидим за кружечкой чая, получим дяди-Пашиных «Мишек косолапых».

– И когда это будет?

– Скоро.

– Витька далеко, – грустно вздохнула Люся.

– Я Мориса прихвачу.

– Ну, если Мориса. Ладно, уговорила, – улыбнулась Люся.

И подруги разъехались в разные стороны. Мирослава добиралась до коттеджного посёлка около часа. Уже на подъезде к дому она позвонила Морису и спросила, ждёт ли клиентка. Может, передумала и уехала.

– Нет, сидит как приклеенная, – заверил её Морис.

Детективное агентство «Мирослава», как справедливо заметила Людмила, предварительно договаривалось с клиентами по телефону, узнавало, кто им рекомендовал обратиться в агентство, и только тогда назначалась личная встреча. На этот раз некая гражданка Незвецкая не только сослалась на Карину Шумскую, известную фигуру в местном бизнесе, но и привезла от неё личную записку. Мирослава гадала, зачем такие сложности. Не проще ли было бы Карине Викторовне просто позвонить ей? Но Шумская не пошла простым путём. Почему? Либо таким образом бизнес-леди попыталась избежать ответов на вопросы детективов, либо обратившаяся к ним Незвецкая действительно входит в ближайший круг Шумской. Морис утверждал, что записка написана Кариной Викторовной от руки, почерк Шумской ему был знаком. Не так давно детективы помогли вычислить убийцу, обосновавшегося в семейном гнезде её сердечного друга. Именно с тех пор Шумская уверовала в их способность раскрывать любые преступления. Хоть Мирослава и пыталась предостеречь предпринимательницу от слепой веры в их возможности. Но куда там! Кто, кроме самой Шумской, мог ещё в чём-то переубедить...

Глава 3

Морис предупредил Мирославу, что клиентка отказалась ждать её в приёмной и сидит на скамейке под кустом отцветающей розовой акации. Так оно и оказалось. Тут надо заметить, что находилась клиентка под двойным наблюдением. Из окна на неё время от времени бросал взгляды Морис Миндаугас. А с крыльца за Незвецкой наблюдал кот Дон. Несмотря на то что он делал вид, будто дремлет на солнышке, один его глаз всё время был слегка приоткрыт и внимательно наблюдал за гостьей. Но, видимо, потому, что женщина сидела на скамейке не шевелясь, коту было скучно наблюдать за ней, и он время от времени зевал.

Однако заслышав приближающийся звук автомобиля, он тотчас сорвался с крыльца и бросился к воротам. Морис, заметив манёвр кота, вышел из дома и открыл ворота раньше, чем Мирослава успела нажать на оповещающее устройство.

Дон запрыгнул на плечо любимой хозяйки и замурлыкал ей в ухо. А Морис представил женщин друг другу:

– Это Ариадна Борисовна Незвецкая, а это детектив Мирослава Игоревна Волгина.

– Здравствуйте, – проговорила Ариадна Борисовна, – простите, что я без звонка. Карина Викторовна предупреждала меня, что вы договариваетесь с клиентами заранее по телефону и только тогда назначаете встречу. Но я упростила Карину Викторовну написать записку, вот она, – Незвецкая протянула Мирославе листок.

Волгина быстро пробежала глазами текст. Почерк, действительно, был Шумской.

– Давайте поднимемся в мой кабинет, и вы всё по порядку мне расскажете, – предложила она. И Незвецкая покорно пошла вслед за ней.

За тот короткий отрезок времени, что женщина устраивалась на предложенном ей детективом кресле, Мирослава успела хорошо рассмотреть будущую клиентку и составить некоторое представление о ней.

На вид женщине было слегка за тридцать. Симпатичная шатенка с короткими волосами и светло-кариими умными глазами. Овал лица ближе к кругу, лоб высокий, нос тонкий, средней длины, плотно сжатые губы едва тронуты помадой кирпичного цвета. Лицо бледное, но следов слёз не видно. И только лихорадочный блеск, время от времени появляющийся в глазах, выдавал сильное волнение, которым была охвачена женщина. Несмотря на это, клиентка выглядела уверенной в себе особой. Недостатка в средствах, как представлялось Мирославе, она не испытывала. И в то же время не было ощущения того, что женщина живёт за каменной стеной, в качестве которой мог выступать муж, отец, любовник. Видимо, дама сама крепко стояла на ногах.

– Карина Викторовна заверила меня в том, что я могу полностью положиться на вас, – заговорила клиентка.

– Я, конечно, очень благодарна Шумской за высокое мнение о работе нашего агентства, но для того, чтобы дать ответ на вопрос, возьмёмся ли мы за ваше дело, я должна выслушать вас.

– Да, я понимаю.

– Тогда рассказывайте с самого начала.

– Сегодня утром мне позвонила Катя и сказала, что на моего отца напали неизвестные, когда он возвращался из ресторана.

– Что он там делал?

– Отмечал с коллегами защиту диссертации одного из преподавателей.

– Ваш отец работает в вузе?

– Да.

– А кто Катя?

- Его третья жена.
- Ваш отец остался жив после нападения?
- Увы, нет.
- Как его убили?
- Ударили металлическим прутом.
- Есть подозреваемые?
- Сначала заподозрили нашего соседа дядю Мишу. Он и нашёл папу, когда выгуливал Тотошу.
- Сосед имел мотив для убийства?
- Ну что вы! Конечно нет! Просто папа повздорил с дядей Мишей из-за автостоянки в нашем дворе. Дядя Миша был против её появления, – пояснила Ариадна Борисовна.
- Ваш отец тоже Незвецкий?
- Нет, я ношу фамилию мужа. Папа Борис Аввакумович Гусаров.
- У вас есть версия – кто мог на него напасть?
- Нет, – покачала головой Ариадна Борисовна, – в случайных хулиганов я не верю, несмотря на пропавшие у папы деньги, сотовый и документы.
- Сколько лет было вашему отцу?
- 51.
- А вам?
- 32.
- Интересно...
- Я родилась, когда отцу было 19. Школьная любовь.
- Ваши родители поженились?
- Да, но расстались, когда мне было всего 5 лет. Мама полюбила другого, более взрослого мужчину. Он стал моим отчимом. Но отец никогда меня не бросал. Он всегда присутствовал в моей жизни. Гулял со мной, играл, позднее помогал чем мог.
- После развода с вашей мамой он тоже женился?
- Да, на Асе. Но через 10 лет они развелись. Детей у них не было. Четыре года назад отец женился на Кате.
- Удачно?
- Ариадна Борисовна пожала плечами:
- Трудно сказать.
- У вас сложились не очень хорошие отношения с мачехой? – спросила Мирослава.
- Да нет, что вы, – тихо рассмеялась Ариадна Борисовна, – просто Катю трудно назвать моей мачехой.
- Почему?
- Она на десять лет моложе меня.
- Что ж, бывает. Надеюсь, она вышла за вашего отца по любви?
- Надо думать. Особого богатства у отца нет.
- А у вас?
- Я обеспеченный человек, – после небольшой паузы ответила Незвецкая.
- В этом заслуга вашего мужа?
- Нет, моя. – И подумав, добавила: – И в некоторой степени моего отчима.
- А ваш муж?
- Он художник.
- Известный?
- Если вам его фамилия ни о чём не говорит, то, значит, не очень.
- Я не могу быть мерилom известности в мире искусства, – улыбнулась Мирослава.

– Скажем так, фамилия моего мужа не на слуху у подавляющего большинства общественности. Но для меня это не имеет значения.

– Вернёмся к Кате. Вы ладили с ней?

– Да. Вполне. Если сказать точнее, то я относилась к ней как к своей младшей сестре. А порой она даже вызывала у меня материнские чувства.

– Вы у своего отца единственная дочь?

– Да.

– С Катей у них детей, как и с Асей, нет?

– Нет.

– Почему?

– Я думаю, что заводить детей не хотел мой отец.

– Почему вы так думаете?

– Потому что как-то раз я завела разговор о детях с Катей, и она расплакалась. На мои расспросы она отвечать не стала, замкнулась и ушла в себя. Больше я с ней никогда не говорила на эту тему.

– А с отцом?

– Тем более.

– Почему тем более?

– Потому что вы не знали моего отца. С ним было невозможно говорить о том, о чём он не хотел вести речь.

– Ваш отец был властным человеком?

– Я бы так не сказала. Просто он был взрослым, сложившимся человеком, точно знающим, чего он хочет, а чего нет.

– Он поддерживал отношения с вашей матерью и её мужем?

– Если вы хотите спросить, общались ли они достаточно близко, то нет. Но если нужно было решить какой-то вопрос, чаще всего касательно меня в детстве, то они общались без конфликтов. Однако я выросла, и теперь у родителей отпала надобность в общении.

– Понятно. А со своей второй женой ваш отец общался?

– Нет. Ася вышла замуж за немецкого жонглёра и уехала с ним в Германию.

– Интересно, где же она с ним познакомилась?

– В цирке, – невольно улыбнулась Ариадна Борисовна. – Их цирк был здесь на гастролях. После представления Ася пошла за кулисы выразить своё восхищение иллюзионисту, а натолкнулась на жонглёра. Мужчина оказался из бывшей Восточной Германии, они разговорились, а потом у них завязался роман, который завершился свадьбой.

– Откуда вы всё так подробно знаете?

– От самой Аси. Она пригласила меня на свадьбу.

– И вы пошли?

– А почему нет?!

– Действительно.

– Позднее мы с мужем несколько раз ездили к Асе в гости в Германию.

– К моменту знакомства Аси с немецким жонглёром она уже была разведена с вашим отцом?

– Естественно.

– Вы сказали, что ваш отец не является богатым человеком?

– Да, это так.

– Но наверняка у него имеется какая-то недвижимость и счёт в банке?

– Да, отцу принадлежит квартира, в которой они живут с Катей, и у него есть определённая сумма денег.

– Кому всё это достанется?

– Кате.

– Разве положено не вам? Вы же его единственная дочь?

– Я сама уговорила отца составить завещание в пользу Кати. Как вы уже поняли, я сама способна позаботиться о себе и своей семье. А Кате будет спокойнее, если она будет знать, что в случае чего ей не придётся возвращаться к родителям.

– То есть вы предполагали, что с отцом может что-то случиться? Верно ли я вас поняла?

– Не совсем. Мне, конечно, и в страшном сне не могло присниться, что моего отца убьют. Просто он намного старше Кати, и я хотела, чтобы этот его брак был последним для него. Катя умела ненавязчиво заботиться о моём отце. Я всегда была уверена, что он ухожен, накормлен и рядом с ним находится любящий его человек.

– Понятно. Катя знала, что завещание оформлено на неё?

– Мы этого от неё не скрывали.

– А не могла ли она...

– Нет! Не могла! – решительно оборвала Незвецкая детектива. – Даже думать об этом забудьте!

– Но почему? Вы же сами сказали, что третья жена вашего отца намного моложе не только его, но и вас, его родной дочери.

– И тем не менее! Кто угодно, но не Катя.

– Хорошо. У вашего отца есть ещё родственники?

– Только старенькая тётя.

– Мне будут нужны её данные и адрес.

– Зачем?

– Если мы будем заниматься расследованием вашего дела, то вы не будете задавать нам подобных вопросов.

– Хорошо, – тряхнула головой Ариадна Борисовна.

– Меня интересует ещё один вопрос...

– Какой?

– Насколько я поняла, автостоянкой во дворе был недоволен не только Шахматов, но и другие соседи?

– В принципе, да, – согласилась Незвецкая, – но скандалил с отцом только Михаил Петрович. Хотя, когда дядя Миша составил петицию и дал её на подпись соседям, подписались ещё несколько человек.

– Те, у кого есть дети?

– Да, или одинокие пенсионеры. Вот, например, на первом этаже живёт тётя Люба. Она категорически против стоянки, потому что не хочет, чтобы её кошечка, сидящая днём на окне, дышала выхлопными газами.

– Но она не протестовала?

Ариадна Борисовна хмыкнула:

– Не знаю, можно ли это назвать протестом, но пару раз тётя Люба собирала мочу из кошачьего лотка и выливала на коврик, лежащий под отцовской дверью.

– Ваш отец ссорился из-за этого с соседкой?

– Нет. У него же не было доказательств, что это делала именно тётя Люба.

– Что же он сделал?

– Велел Кате убрать коврик.

– И полив прекратился?

– Представьте себе.

– А как фамилия соседки-мстительницы?

– Костина Любовь Петровна.

Мирослава что-то пометила у себя в блокноте.

– Понимаете, – проговорила меж тем Незвецкая, – у части соседей возникла дилемма. Мирослава с интересом посмотрела на клиентку, и та продолжила:

– В том смысле, что у них есть дети, но есть и автомобиль. С одной стороны, им, естественно, хочется, чтобы ребёнок играл в физически и экологически безопасном дворе, но с другой стороны, и машину хочется поставить поближе к дому, а стоянка под окнами вообще идеальное место. Автомобиль всё время на глазах.

– Да, – согласилась Мирослава, – раньше было принято считать, что людей портит жилищный вопрос. И хотя он до сих пор не потерял актуальности, появился ещё и автомобильный вопрос.

– Идеально, когда семья живёт в своём доме, пусть и небольшом, но со своим двором, – сказала Ариадна Борисовна.

– К сожалению, для большинства наших граждан это нереально, – заметила детектив.

– Вы правы, – согласилась Незвецкая. – Но я не верю, что отца убили из-за стоянки.

– Пожалуй, вы правы, однако нельзя исключать ни одну из возможных версий, Ариадна Борисовна! Скажите, пожалуйста, ваша мачеха не упоминала фамилии следователя, прибывшего на место преступления?

– Говорила. У него очень смешная фамилия.

Мирослава выжидала, и Незвецкая произнесла:

– Наполеонов. Катя заметила, что она очень идёт ему.

– В смысле?

– Он маленький и имеет очень важный вид.

– Понятно, – едва заметно улыбнулась Мирослава, – пока у меня больше нет к вам вопросов. Если появятся, я вам позвоню. А пока в приёмной заключите договор с нами. Миндаугас уже ждёт вас.

– Но вы будете держать меня в курсе дела? – спросила, поднимаясь, Незвецкая.

– Конечно.

Глава 4

Проводив клиентку, Морис вошёл в кабинет Мирославы.

– Кажется, у нас снова появилась работа?

– Не кажется, а точно.

– Ну да, ну да. Хотя меня мучило сомнение, не откажете ли вы Ариадне Борисовне.

– Почему ты так думал?

– Да потому, что она, нарушив правила нашего агентства, свалилась нам как снег на голову.

– Это верно. Но у неё была рекомендация.

– Как же! Даже письменная. Вы думаете, они друзья с Шумской?

– Ты хотел сказать подруги? – улыбнулась Мирослава.

Он кивнул.

– Не знаю, Морис, может быть, их связывают вопросы бизнеса... Кстати! – воскликнула она. – Ты не поверишь, но на место преступления выезжал Наполеонов.

– Почему же я должен не поверить? – пожал он плечами.

– Потому что по графику он не должен был дежурить в этот день, вернее ночь.

– Вам что, ещё и график дежурств Наполеонова известен?

– Представь себе!

– Так наш доблестный следователь у вас под колпаком? – Морис лукаво прищурил правый глаз.

– Выходит, что под колпаком, – в тон ему ответила Мирослава. Потом потянулась к стационарному телефону и набрала номер домашнего телефона Наполеонова.

Трубку сняла его мать Софья Марковна Наполеонова.

– Аллю, – произнесла она.

– Здравствуйте, Софья Марковна! Это Мирослава.

– Да, Славочка, я узнала тебя. Здравствуй!

– А Шура дома?

– Дома... – не очень охотно ответила Наполеонова.

– Спит? – догадалась Мирослава.

– Да, он две последние ночи был на дежурстве.

– Понятно.

– А тебе он нужен срочно? Разбудить?

– Нет, нет! – быстро проговорила Мирослава. – Ни в коем случае. Просто, когда он проснётся, скажите, что я звонила и просила его перезвонить мне.

– Обязательно передам, – облегчённо вздохнула Наполеонова.

– Спасибо вам, Софья Марковна.

– Не за что, Славочка.

– Шура отсыпается, – догадался Морис.

– Ага.

– А что вы хотели у него спросить?

– Если бы он описал мне место преступления, каким оно было на момент прибытия группы, было бы совсем не плохо.

– Но, как я понимаю, дело это будет вести не Шура.

– Скорее всего. Вот заодно и выясним, кому передадут его.

– Это важно?

– Не так чтобы. Но всё-таки, – отозвалась она неопределённо.

Ариадна Борисовна Незвецкая была довольна тем, что детективное агентство, которое ей настоятельно рекомендовала Карина Викторовна, согласилось заняться расследованием убийства её отца. После подписания договора с агентством у неё появилась внутренняя уверенность, что убийца отца будет найден и не сможет уйти от наказания. Полиции она доверяла слабо. На её памяти было несколько насильственных смертей предпринимателей, убийц которых так и не нашли. Её отец не был предпринимателем, и, следовательно, мотив убийства лежал в другой плоскости. В какой именно, она не имела ни малейшего представления. Она вообще не могла даже гипотетически предположить, за что можно было убить её отца. Денег у него особых никогда не водилось. С коллегами отец не ссорился. Студенты на него вроде бы тоже не жаловались, даже те, кого он заваливал на экзаменах. Работу свою отец любил и своих «оболтусов», как он называл своих подопечных, тоже, считая их частью своей трудовой деятельности. Поэтому отсеивал только уж совсем откровенных лентяев и тупиц. За всех остальных боролся. Поставив неуд, помогал освоить упущенные знания, не требуя оплаты дополнительно потраченного на студента свободного времени.

Был у отца один грех. Он любил молодых красивых женщин и нередко у него случались романы на стороне. К счастью, отец никогда не волочился за замужними дамами, поэтому ни у одного ревнивца не было повода стукнуть его железным прутом по голове. Была ли у отца теперь вообще возлюбленная, Ариадна Борисовна не знала. Она считала, что ему должно было бы хватать его молодой жены. У Кати, с точки зрения Незвецкой, практически не было недостатков. Она была стройна, хороша собой, умна и имела покладистый характер.

Хотя мать Ариадны Борисовны, Ирма Иннокентьевна Тактолызина – первая жена Бориса Аввакумовича Гусарова – вовсе не считала покладистый характер преимуществом, помогающим женщине как в личной жизни, так и в профессиональной деятельности. Она откровенно высмеивала мнение дочери о Екатерине и говорила:

– Запомни, Ариадночка, на обладателей покладистого характера все кладут при первом же удобном случае.

– Мама, ты преувеличиваешь, – отмахивалась от неё дочь.

– Ничуть! Впрочем, твоему отцу, конечно, удобно иметь такую доверчивую дурочку, как Катя.

– Во-первых, Катя не дурочка, – горячилась Ариадна, а во-вторых, я вообще не понимаю, за что ты её так не любишь!

– Опирируя твоими понятиями, – отвечала мать, – во-первых, я не обязана любить жену твоего отца, а во-вторых, я не испытываю к ней ни любви, ни ненависти. Просто констатирую факты.

– Мама! Перестань заводитьсь! А то я подумаю, что ты до сих пор любишь отца. И ревнуешь его к Кате!

Ирма Иннокентьевна заливалась весёлым хриловатым смехом и махала на дочь руками:

– Ну и выдумщица ты, Ариадна! Я ревную твоего отца?! Нет, не смей меня!

Ариадна Борисовна и сама знала, что мать её по-настоящему крепко и искренне любит только своего второго мужа. А почему она цепляется к Кате, дочери было непонятно. Сама Ариадна Борисовна была с раннего детства очень близка с отцом, что не мешало ей иметь хорошие отношения и с отчимом. Именно отчиму она была обязана своим нынешним материальным положением. Нет, Георгий Степанович не давал ей денег на развитие бизнеса. Но именно он научил её, как начать и правильно вести дело, не впадая в крайности.

Профессиональный экономист, долгое время проработавший на крупнейшем в городе комбинате, он прошёл карьерную лестницу с низу до верху. А когда появилась возможность, организовал своё дело. Ариадна проработала в компании отчима несколько лет, прежде чем решила создать свой бизнес. Отчим ей не только не препятствовал, но и всячески помогал дельными советами. Денег не предлагал. Но Ариадна знала, что стоит только попросить, и Георгий

Степанович выдаст ей требуемую сумму. Однако она хотела, чтобы родители, все трое, гордились ею, и поэтому её девизом было – «Я сама». И всё-таки именно советы отчима помогли ей не наделать ошибок на первых порах. Муж помощником в бизнесе ей быть не мог. Да она и не ожидала от него поддержки в этом вопросе. Ариадне Борисовне было достаточно того, что они любят друг друга.

В первый раз своего супруга она увидела в картинном салоне, где проходила тогда выставка молодых, подававших надежду художников. Среди них был и Илья Маратович Незвецкий. Ариадна сразу же выделила его работы. Было в них что-то такое возвышенное и одновременно очеловеченное, что трогало до глубины души. Особенно ей понравилось небольшое полотно «Ледоход на реке». На полотне была изображена гладь реки, которая уже почти очистилась ото льда. И лишь одна небольшая льдина как бы затерялась на открытой воде. Она казалась такой беззащитной перед неминуемым таянием, что у Ариадны защемило сердце. Она так прониклась, что не заметила, как к ней подошёл молодой мужчина, и невольно вздрогнула, когда он спросил приятным голосом с едва уловимой хрипотцой:

– Нравится?

Она резко обернулась и нос к носу столкнулась с сероглазым блондином, который был не намного выше её ростом. Его глаза смотрели уверенно и насмешливо.

Ариадна не отвела своих глаз и ответила с вызовом:

– Нравится. А вы кто? Автор или почитатель?

– Ни то ни другое, – засмеялся он, – я брат этого самородка, – он кивнул на картины, висящие на стене.

– А... – протянула она, не скрывая лёгкого разочарования в голосе.

Он хмыкнул и сказал:

– Понимаю ваше разочарование, но давайте всё-таки познакомимся, я Андрей Незвецкий. А вы?

– Ариадна Гусарова.

– Не стану скрывать, что мне приятно познакомиться с такой очаровательной девушкой.

– Да вы льстец, – рассмеялась Ариадна. – А где же ваш брат?

– Всё-таки хотите лицезреть Илюху, – рассмеялся он, ничуть не обидевшись на её слегка пренебрежительный тон.

– Очень, – подтвердила она.

Андрей обернулся и кому-то помахал рукой:

– Илья, подойди сюда на минутку.

Ариадна заметила своего будущего мужа только тогда, когда он отлепился от группы что-то бурно обсуждающих молодых людей и направился в их сторону. Когда он подошёл к ним, Андрей представил брата с шутейным поклоном:

– Прошу любить и жаловать, наш начинающий гений Илья Незвецкий. А это Ариадна Гусарова, думаю, твоя поклонница.

Илья смутился.

– Очень приятно, – и осторожно пожал протянутую Ариадной руку.

– Заметь, брат, – сразу влез Андрей, – а мне она свою ручку не протягивала.

Илья отмахнулся от брата и пригласил Ариадну посмотреть другие картины. Она охотно согласилась. Андрей отстал от них на шаг, а потом и вовсе куда-то исчез. А они так увлеклись разговором, что даже не заметили, когда именно это случилось.

Через несколько минут общения Ариадна уже поняла, что Илья не только талантливый художник, но и интересный, образованный собеседник, имеющий на всё свой собственный взгляд. Он рассказал ей, что сначала учился в художественной школе, потом окончил училище и продолжил образование в Петербурге. Но в конце концов вернулся в свой город. Как объяснил сам Илья – потянуло на малую родину.

Илья считал, что ему особенно удаются пейзажи. А где, как не на волжских берегах и в прилегающих окрестностях, искать чудесные виды природы. Ариадна считала, что в их области мест, не тронутых человеком, нет, но переубеждать художника ей не хотелось. Она призналась ему, что никогда особо не увлекалась портретами кочегаров, крестьян и металлургов, но колоритные лица людей труда на его полотнах заставили её пересмотреть свои сложившиеся взгляды. Он тихо рассмеялся и одарил её благодарным взглядом. Оказалось, что Илья был старшим из двух братьев. Хотя она поначалу почему-то решила, что старший Андрей. Он был выше, шире в кости. И вёл себя намного уверенней, чем Илья.

Несмотря на то что Ариадна и Илья сразу понравились друг другу, конфетно-букетный период в их отношениях тянулся больше года. Ариадну уже начали мучить сомнения, а собирается ли вообще Илья переходить к более решительным действиям. Она даже хотела сама предложить ему жить вместе, но тут он по всем правилам несколько устаревшего этикета сделал ей предложение. Он умудрился попросить её руки не только у матери, отчима, но и у отца, настояв на том, чтобы Ариадна познакомила его с Борисом Аввакумовичем.

Отец и отчим сказали будущему зятю, что, как решит Ариадна, так и будет. А мать поинтересовалась у дочери:

– Ты уверена, что тебе нужен этот художник?

– Уверена, – твёрдо ответила Ариадна.

Ирма Иннокентьевна только плечами пожала. Она не спорила с тем, что Илья Незвецкий талантливый художник. Но в то же время он казался ей, как она сама выражалась – квёлым.

В идеале будущий зять представлялся ей более энергичным и мужественным. «Хотя, – думала она, – может быть, Ариадне, привыкшей быть лидером, как раз и подходит мягкий, интеллигентный Илья». Свадьбу, которую сыграли через полгода после помолвки, нельзя было назвать ни шумной, ни скромной, торжество получилось близким к золотой середине.

Сначала молодые жили на съёмной квартире, а через два года переехали в свой дом. Деньги на него в основном заработала Ариадна, хотя и часть картин Ильи была продана по довольно высокой цене. К тому же молодой супруг приложил много усилий и фантазии при постройке и благоустройстве дома. Помогал Илье младший брат Андрей. Ариадна на строительстве появлялась редко. Она полностью доверяла мужу. И он её доверия не обманул.

Было одно «но». Андрей старался постоянно держаться рядом с семьёй брата. И Ариадну это, особенно в первое время, напрягало. Но потом она то ли привыкла, то ли смирилась с его присутствием в их жизни. Тем более что Андрей ничего у них не просил и, если чувствовал, что супруги хотят побыть вдвоём, тут же испарялся. Когда у них появились дети, Андрей стал охотно нянчиться с племянниками и уделял им больше времени, чем родной отец. Сам Илья как-то проговорился, что у его брата имеется один-единственный недостаток – он слишком любит женщин.

Ариадна рассмеялась этой невольной оговорке мужа, сказав: «Хорошо, что он любит женщин, а не мужчин».

Муж почему-то смутился от её шуточного комментария. А Андрей, действительно, время от времени выпадал из их жизни и какое-то время не появлялся. Илья в таком случае с лёгким пренебрежением комментировал – завис у очередной пассии.

Ариадне до личной жизни брата мужа не было никакого дела. И она звонила ему на сотовый только тогда, когда дети начинали слишком настойчиво доставать её с вопросом: «Мама, где дядя Андрей?»

Надо сказать, что Андрей не проигнорировал ни одного из её звонков, отзывался и обещал скоро приехать. Обещания выполнял. А потом, когда он разочаровывался или охладевал к очередной своей возлюбленной, жизнь семейства Незвецких входила в привычную колею. Ариадна в шутку называла эти моменты возвращением блудного деверя.

Глава 5

Наполеонов позвонил поздно вечером и спросил заспанным голосом:

– Ты звонила мне, что ли?

– Что ли звонила, – передразнила его Мирослава.

– Соскучилась?

– Не без этого, – рассмеялась она в ответ, – но мне хотелось бы ещё и расспросить тебя относительно одного дела.

– Какого такого дела? – насторожился он, разом сбросив остатки сладкого сна.

– Ты выезжал на убийство преподавателя вуза Гусарова?

– Выезжать-то я выезжал, – ответил он, – но вести это дело будет другой следователь.

– Я догадываюсь. Но мне хотелось бы знать твои первые впечатления.

– Опять ты из меня верёвки вьёшь! – сделал вид, что рассердился, Наполеонов.

– Ну что ты, Шурочка, – промурлыкала она нежным голосом и добавила невинно: – А Морис собрался завтра пирожки печь.

– С чем? – быстро спросил Наполеонов.

– По-моему, с ливером. Но можно попросить и ещё с какой-нибудь начинкой.

– С ливером я люблю, – ухватился за вкусную идею Наполеонов, – может, он ещё с картошкой испечёт?

– Я ему скажу.

– И с яблоками.

– Договорились.

– Скажи, что Шура очень просил.

– Скажу.

– Тогда я завтра вечером приеду. Сначала поем, а потом поговорим, тиранка ты эдакая.

Мирослава рассмеялась и отключилась.

Ариадна Борисовна сидела вдвоём с мужем за поздним вечерним чаем. Андрей снова куда-то пропал. А детей няня уложила спать и сама либо улеглась, либо смотрела телевизор в своей комнате. Так что супругам никто не мешал. Если кто-то и прислушивался к их разговору, то это была большая розоватая луна, повисшая низко над деревьями.

– Илья, – сказала Ариадна, – я наняла частного детектива. Вернее детективное агентство, – поправилась она.

– Зачем? – спросил он рассеянно.

Ариадне показалось, что свой вопрос муж задал как-то уж слишком равнодушно. Конечно, Илью никогда нельзя было заподозрить в особой любви к тестю. Но не до такой же степени. Она вздохнула и ответила:

– Чтобы дело сдвинулось с места.

– Так для этого есть полиция.

– Я не слишком-то ей доверяю.

– По-моему, ты предвзято судишь о работе наших правоохранительных органов, – едва заметно улыбнулся муж.

– Может быть, – согласилась она и, не сдержавшись, спросила:

– Тебе совсем не жалко папу?

– Папу? – машинально повторил он. И только тут, казалось, сообразил, о чём, вернее о ком, она с ним говорит. – Ну да, конечно, твоего отца. Естественно, мне его по-человечески жаль. Но ты ведь не ждёшь, что я стану биться в истерике?

– Не жду, – вздохнула она.

– А ты уверена, что нанятые тобой детективы действительно будут работать, а не тянуть время и деньги?

– Уверена, – коротко ответила она.

– Знаешь, если мне кого по-настоящему и жаль, – неожиданно сказал Илья, – то это Катю.

– Катю? – удивилась Ариадна. – Почему именно Катю?

– Потому, что она полностью заиклилась на твоём отце. Она жила его жизнью и всё делала только ради него. И я не представляю, как она будет жить дальше.

– Как и все остальные, – пожала плечами Ариадна. – Она не маленькая девочка, а взрослая женщина. Переживёт своё горе и адаптируется к новой жизни.

– Не сердись, дорогая, но ты эгоистка, – сказал Илья.

– Это ещё почему?

– Потому что Катя самая что ни на есть маленькая девочка.

– Я не понимаю тебя.

– Всё ты понимаешь. Не стоит лукавить, тебе было удобно, чтобы с отцом жила именно такая женщина, как Катя. У неё не было никакой своей собственной жизни, и ни твой отец, ни ты, ни твоя мать не пытались сделать так, чтобы у Кати появились какие-то свои интересы, друзья, работа.

Ариадна сердито фыркнула.

– Илюша, ты говоришь глупости! Не могла же я вмешиваться в личную жизнь моего отца и воспитывать его жену.

– Не знаю, могла ли, но то, что не хотела, это точно.

– Послушай, Илья! – Ариадна вспыхнула. – Убили моего отца! Мне больно! А ты вместо того, чтобы посочувствовать мне, жалеешь Катю.

– В этом нет ничего удивительного. По-моему, ей даже негде жить.

– У неё есть квартира!

– Половину которой заберёшь ты.

– Ничего я у неё не заберу. Ничего! Слышишь?!

– Слышу. Это очень благородно с твоей стороны. И тем не менее ей придётся учиться заново делать первые шаги по жизни.

– Ты преувеличиваешь. Во всяком случае, никто не собирается бросать Катю на произвол судьбы. На первых порах ей будет оказана поддержка.

– Ты меня успокоила.

– А кто успокоит меня?! – Илья расслышал в голосе жены явную обиду. Придвинул к ней свой стул и обнял её.

– Извини меня, дорогая. Я очень люблю тебя. Я и сам чувствую себя не в своей тарелке. Просто представить не могу, кому понадобилось убивать беззащитного преподавателя вуза?

Ариадна подумала про себя, что её отец не был таким уж беззащитным, но озвучивать свою мысль не стала. Она положила голову на плечо мужа и закрыла глаза. Его рука ласково блуждала в её волосах, гладя и успокаивая. Они просидели так довольно продолжительное время, пока не зазвонил сотовый Илья.

– Извини, – тихо сказал он, высвобождаясь из объятий жены.

Звонил Андрей. Не здороваясь, он сразу спросил брата:

– Это правда?

– Что правда? – машинально переспросил Илья.

– Что твой тесть...

– Да, правда.

– Как там Ариадна?

– Не очень хорошо, как ты сам мог бы догадаться.

Андрей, почувствовав недовольство в голосе брата, проговорил, невольно оправдываясь:

– Меня не было в городе два дня. Мы ездили с Аней на Сок. И только сегодня вечером вернулись.

Илья догадался, что Аня новая пассия брата, и ничего не ответил.

– Ты чего молчишь? – завокнулся Андрей.

– А что говорить-то? – ответил Илья.

– Мне приехать?

– Необязательно.

– Но...

– Во всяком случае, не сейчас.

– Хорошо, я приеду завтра, – проговорил Андрей и отключился.

– Это Андрей звонил, – пояснил Илья жене.

– Я поняла, – отозвалась Ариадна.

– Он волнуется за тебя.

– Спасибо.

– Завтра приедет.

– Хорошо. А сейчас идём спать. Мне завтра рано вставать.

Несмотря на случившееся Ариадна Борисовна продолжала работать. Она даже была уверена, что её дело помогает ей справиться с переживаниями, не давая душе остаться с ними один на один. А ещё Незвезкая никогда не страдала от бессонницы. Положив голову на подушку, она сразу засыпала.

В отличие от Екатерины Гусаровой, метавшейся всю ночь по квартире, которая без Бориса казалась ей пустой, как клетка на необитаемом острове. В ней была только она. И за окном – сочащаяся розовым светом луна. Катя специально не закрывала шторы, чтобы видеть хотя бы луну. Слёз у неё уже не было, она все их выплакала в первые часы после осознания того, что Борис уже никогда не будет с ней. И теперь только тихо подвывала от отчаяния.

Её родители жили на Сахалине, и она даже звонить им не стала. Ведь помочь ей они ничем не могут, так зачем же заставлять страдать ещё и их. Подруг у неё, как верно заметил Илья, не было. На работу после окончания вуза она так и не устроилась, потому что Борис был против. Катя очень надеялась, что у них будут дети, но они так и не появились. И вот теперь она совсем одна. Правда, у неё хорошие отношения с дочерью Бориса Ариадной. Но звонить сейчас Ариадне и изливать ей своё горе, по мнению Кати, было бы просто кощунственно. Ведь Ариадна сама страдает не меньше её. Вот и выходило, что жаловаться на судьбу Катя могла только луне, которая, по-видимому, прониклась сочувствием к ней, вон как прикинула к окну. Кажется, и не оторвать.

Мирослава распланировала с вечера, куда ей нужно поехать и с кем поговорить. Мориса она предупредила, что поставила капкан на Лиса. Так они между собой иногда называли Наполеона. А Миндаугасу предстояло приготовить приманку в виде пирожков с ливером, картошкой и яблоками.

– В одно прекрасное время, – сказал Морис, – наш Шура растолстеет, как Винни Пух, и застрянет в дверях.

– Ничего, – утешила его Мирослава, – подождём, пока он похудеет.

– А в период ожидания не будем кормить?

– Естественно, – рассмеялась она.

– Вы меня утешили, хоть какая-то экономия времени и продуктов.

– У меня для тебя на завтра задание, – сказала она уже серьёзно.

– Какое?

– Постарайся выудить из Интернета всё, что можно, о Борисе Аввакумовиче Гусарове, о его жене Екатерине Гусаровой, о дочери Ариадне Борисовне Незвецкой и зяте Илье Маратовиче Незвецком.

– Это всё?

– Пока да. Хотя, возможно, потом меня заинтересуют и другие лица, задействованные в этой истории.

– Я видел несколько живописных полотен Незвецкого...

– И как?

– Мне они понравились. Есть в них что-то очень реалистичное и в тоже время душевное. Сейчас так пишут немногие.

– Пожалуй. Ты видел его картины в Интернете?

– Нет, в галерее. В Интернете не то. Но вам стоит взглянуть на них хотя бы в Интернете.

– Хорошо. Завтра вечером.

– Завтра так завтра, – согласился Миндаугас.

На следующий день утром Мирослава отправилась в вуз, где в течение 21 года преподавал Борис Аввакумович Гусаров. Хотя она сразу предупредила, что является частным детективом и беседовать может только с теми, кто согласится на это, ей никто не отказал – ни коллеги Гусарова, ни ректор, ни студенты. Было видно, что, несмотря на свой сложный характер, о чём ей сказал один из студентов, Борис Аввакумович пользовался уважением. Другой студент охарактеризовал Гусарова как въедливого, но справедливого препода. Студентки же, как показалось Мирославе, вообще чуть ли не боготворили его.

Беседуя с сослуживцами, Волгина спросила и о вечеринке, после возвращения с которой Гусаров и был убит. Коллеги подтвердили, что отмечали защиту диссертации в сугубо профессиональном кругу. На вопрос, были ли там дамы, ответили: конечно, были, Галина Ивановна Нурмухаметова, старейший профессор вуза, и Маргарита Витальевна Наумова, преподаватель английского языка. За Нурмухаметовой приехал сын, а за Наумовой муж, все остальные отправились домой на такси, в том числе и Гусаров. Но номера такси никто не заметил. Однако Галина Ивановна подтвердила слова его жены, сказанные следователю, о том, что Борис Аввакумович всегда вызывал такси одной и той же компании.

– Вы не помните, какой именно? – спросила Мирослава, не надеясь получить ответ.

И неожиданно услышала:

– Почему же не помню, мне до ста ещё восемнадцать лет, – рассмеялась профессор, – компания называется «Олений бег».

– «Олений бег»? – переспросила Мирослава.

– Да, именно так, и в справочнике есть номер их телефона.

– Спасибо большое.

– Не за что. Мы все тут хотим, чтобы убийца был найден. Поверьте мне, Гусаров был стоящим педагогом. К тому же ладил со студентами, что даётся далеко не каждому. Да и вообще неплохой он был мужик, – вздохнула женщина.

Мирославе хотелось бы узнать что-нибудь о личной жизни Гусарова, но на свои деликатные попытки вывести хоть кого-то из преподавателей на скользкую дорожку откровенности получала один и тот же ответ:

– У Бориса Аввакумовича была молодая жена, чего вы ещё хотите?

– Правды, – мягко замечала она.

Но в ответ ей только качали головами и укоризненно щёлкали языками, точно застали её за кражей грязного белья из их корзины. «Молчат как партизаны», – вздохнула про себя Мирослава. Ей казалось, что коллеги Бориса Аввакумовича о чём-то недоговаривают. Но даль-

нейшие расспросы она отложила, боясь настроить людей против себя. Надо будет придумать другой ход. А пока...

Глава 6

Пока она решила отправиться по месту жительства Гусарова и поговорить с соседями и, если получится, с его женой. Въехав во двор и затормозив у края дворовой автостоянки, она услышала громкие причитания, а потом не менее громкое мяуканье кошки. Выбравшись из машины, Мирослава увидела мечущуюся вокруг дерева старушку. Платок сбился с головы женщины, седые волосы растрепались, по морщинистым щекам ручьём текли слёзы, которые она время от времени вытирала фартуком. Почти на самой вершине тополя сидела кошка и плакала не менее жалобно, чем её хозяйка.

Выбежавший из подъезда пузатый мужичонка задрал голову и закричал:

– Слезай немедленно, шалава! А то сейчас запущу камнем!

– Я тебе запущу! – набросилась на него с кулаками старушка и так треснула мужика по спине кулаком, что он аж подпрыгнул на месте.

– Ты чё, сдурела, Петровна?! Я же только пугаю её! Испугается и слезет!

– Она и так напугана!

Из подъезда вышел ещё один мужчина, на этот раз молодой. Он тоже задрал голову и посмотрел вверх.

– Гена! – кинулась к нему старушка. – Сними мою Нюсю! Я за тебя свечку в церкви поставлю!

– Не, тётя Люба! Высоко больно, а я высоты боюсь.

Старушка снова залилась слезами. Кошка же закричала так дико, что у присутствующих кровь в жилах застыла.

– МЧС вызывать надо, – заявил мужичонка.

– У неё пенсии не хватит за вызов расплатиться, – хмыкнул молодой мужчина.

Из окна третьего этажа высунулась женская голова в бигуди.

– Что тут за ор?

– Да вон, – пояснил мужичонка, – кошка Петровны залезла на дерево и боится спускаться.

– Следить надо за кошкой, – пробормотала женщина и скрылась из виду.

Мирослава уже прикинула, что ни с балкона, ни с крыши до кошки не дотянуться. Придётся лезть на дерево. Высоты она не боялась, и, решив вспомнить детство, стала забираться на дерево. Вокруг заохали, мужчины стали давать ей советы, как ловчее залезть. Серая мраморная кошка сидела почти на самой вершине. Мирослава подумала, что у дерева крепкий ствол, а до ветки она дотянется. Главное, чтобы кошка не испугалась ещё больше и не сиганула вниз. Поэтому, добравшись до верха, она стала нежно разговаривать с кошкой, называя её по имени:

– Нюся, Нюсенька, не бойся, лапонька. Иди ко мне, малышка.

Кошка тихо мяукнула и не пошевелилась. Наконец Мирославе удалось дотянуться до животного.

– Ну-ну, – сказала она, – когти прячем и не дрожим.

Кошка, загипнотизированная её голосом, подчинилась. Мирослава села на ветку, засунула кошку под блузку, затянула потуже пояс и стала медленно спускаться, продолжая разговаривать с кошкой. Внизу затаили дыхание, мужчины молчали, старушка перестала плакать и не сводила глаз со спасительницы своей любимицы. А когда Мирослава спрыгнула на землю, хозяйка кошки бросилась ей на шею и снова зарыдала, теперь уже от счастья.

– Тихо, тихо, – сказала Мирослава, – а то Нюся снова перепугается и убежит, – да, Нюся? – обратилась она к притихшей кошке. И кошка одарила её преданным взглядом зелёных глаз.

Мирослава потёрлась щекой о мягкий кошачий бок и прошептала в самое ушко:

– Спасибо, что не оцарапала.

Старушка вытерла фартуком слезинку умиления, скатившуюся из её правого глаза, и, приняв из рук Мирославы свою Нюсю, крепко прижала её к груди.

- Пойдёмте ко мне, – попросила она.
- Хорошо, – кивнула Мирослава.
- Я тут на первом этаже живу, – продолжила женщина, – меня тётя Люба зовут.
- А по отчеству?
- Петровна. Костина.
- А я Мирослава Волгина.

Костина Любовь Петровна жила со своей кошкой Нюсей на первом этаже в том же подъезде, где ещё совсем недавно обретался Гусаров. Поэтому Мирослава посчитала, что Нюсино приключение сыграло ей на руку. Едва они вошли в квартиру, как Любовь Петровна, положив Нюсю на пуфик, кинулась на кухню. Мирослава последовала за ней. Нюся тоже не пожелала оставаться в одиночестве и принялась тереться о ноги хозяйки, сначала засуетившейся у плиты, а потом заматававшейся от стола к буфету и холодильнику.

Мирослава, увидев появляющиеся на столе угощения, весело проговорила:

- Любовь Петровна! Мы же с вами столько за сутки не съедим!
- А вы выбирайте то, что вам больше по вкусу.
- Давайте оставим ватрушки и варенье, – предложила Мирослава, сразу догадавшись, что и то и другое приготовлено руками хозяйки.

– Что же с вами поделаешь, – улыбнулась женщина и стала разливать по чашкам заварившийся чай.

- Какой аромат! – проговорила Мирослава.
- Так чай-то у меня со слонем! – гордо ответила Любовь Петровна и спросила:
- А вы у нас по делу или волею случая?

Мирославе очень хотелось ответить, что волей случая, но лгать без острой необходимости она не любила, поэтому честно призналась:

- По делу. – И добавила: – Я детектив.
- Вот оно что! – Воскликнула Любовь Петровна. – Из полиции значит.
- Нет, я частный детектив.
- Никак вас Катя наняла? – проявила любопытство женщина.
- Нет, – Мирослава покачала головой, – другое заинтересованное лицо.
- Кто, не спрашиваю, – с сожалением выдохнула Любовь Петровна, – знаем, телевизор смотрим – «тайна следствия».

– Что-то в этом роде, – невольно улыбнулась Мирослава.

Нюся тем временем запрыгнула детективу на руки и потянулась за ватрушкой. Мирослава отломала кусочек и на ладони протянула кошке. Та стала с удовольствием есть.

– Экая ты у меня невоспитанная, – ласково укорила кошку хозяйка, – учу тебя, учу приличным манерам, а всё не впрок. Не выйдет из тебя приличной барышни.

Мирослава невольно рассмеялась, кошка же действовала согласно известному принципу: а Васяка слушает, да ест.

- Очень вкусные у вас ватрушки, – сказала детектив.
- Хотите, я вам рецепт дам? – предложила старушка.
- Буду весьма благодарна, – согласилась Мирослава и сразу призналась: – Только я по части кулинарии ужасная лентяйка.
- Так вам, наверное, ещё мама или бабушка пекут, лукаво проговорила старая женщина.
- Увы, – грустно отозвалась Волгина, – их давно нет в живых.
- Простите, – смутилась хозяйка.
- Ничего. Хотя у меня есть кому печь.
- И кто же это? – живо заинтересовалась Любовь Петровна.

- Мой сотрудник.
- Что же он, кулинар?
- Вообще-то детектив, – улыбнулась Мирослава, – но кулинария его хобби.
- В таком случае вам обоим повезло.
- И то верно.

Мирослава решила не торопить события и наслаждалась неспешным чаепитием и общением с милой старушкой и её ласковой кошкой.

Любовь Петровна не выдержала сама.

- Я ваша должница, – сказала она, – так что спрашивайте о том, что хотите узнать.
- Любовь Петровна, насколько я знаю, Борис Аввакумович Гусаров жил в вашем подъезде.

– Да, на третьем этаже они с Катенькой жили.

– И как жили? Мирно?

– Хорошо они жили, врать не буду. Да и как им плохо жить, если Катенька во всём мужу уступала. Сама говорила не раз, мол, как Боря захочет, так и будет.

– А Борис Аввакумович ценил такую уступчивость жены?

– Да как вам сказать, – пожала плечами старушка, – мужик он ведь и есть мужик. Но если вы о том, обижал ли Боря жену, то я ничего подобного не замечала.

– А каким соседом был Гусаров?

– Неплохим. Всегда вежливый, уважительный. Но вот если во что упрётся, то всё. Эгоистом был Борька! – неожиданно констатировала Костина.

«Вот это поворот», – удивилась Мирослава. Вероятно, заметив оторопь на лице детектива, Любовь Петровна пояснила:

– Ну посудите сами, была у нас детская площадка, уголок отдыха, лавочки там, кустики, клумба, так этот паразит укатал всё асфальтом. Вон полюбуйтесь, – Костина кивнула на окно, – автостоянка там теперь.

Вероятно, Любовь Петровна придерживалась полной версии высказывания древнегреческого мудреца и поэта из Спарты VI в. до н. э. Хилона – «О мёртвых либо хорошо, либо ничего, кроме правды».

Костина тем временем продолжала:

– И ведь многие были недовольны, так нет, языки спрятали в одно место и молчок! Только Михаил Петрович за всех бился. Так что вы думаете? – обратилась она к Мирославе.

– Что?

– Шахматов ведь и наткнулся на убитого Гусарова.

– Как это случилось?

– Да очень просто! Михаил Петрович каждый день выводит своего Тотошу с утра пораньше на прогулку. Так вот Тотоша и нашёл его!

– Интересное стечение обстоятельств.

– И не говорите, – согласилась Костина, – пути Господни неисповедимы.

– И полиции стало известно о конфликте Гусарова и Шахматова?

– Тут же! У кого-то вода в одном месте не держится, – с нескрываемым осуждением проговорила старушка.

– А что вы думаете по этому поводу?

– О ссоре или об убийстве? – уточнила Любовь Петровна.

– И о том, и о другом.

– Кто убил Гусарова, я даже представить не могу. Но уж точно не Михаил Петрович. Из-за таких пустяков не убивают. Потом Шахматов человек подкованный и упорный. Он через суд добьётся сноса автостоянки. Нечего ей под окнами делать. Откроешь окно проветрить, а оттуда такая вонь, что сразу закрываешь. Я и так-то стараюсь окна открытыми не держать, –

вздыхнула Костина, – да вот опять недоглядела, и Нюся моя в окно сиганула, да и на дерево. Наверное, испугал её кто. Может, опять же эти фыркающие звери!

– Какие звери?

– Да машины-то!

– А. Любовь Петровна, а вы как узнали, что Гусарова убили?

– Так полиция приехала, зеваки собрались и ну давай орать тут!

– А как жена Гусарова узнала о гибели мужа?

– Ей полиция сказала. У них окна-то на другую сторону. Да и молодая она, спала, должно быть, крепко.

– Выходит, что Катя мужа не дожидалась?

– А чего его дожидаться-то? – удивилась Костина. – Он гулять в ресторан пошёл. Правда, повод был, спорить не стану, но всё-таки раньше-то люди с жёнами да мужьями в рестораны ходили. А что теперь делается? – вздохнула она сокрушённо.

– Вроде бы у них был профессиональный повод, – осторожно заметила Мирослава.

– Всё равно! – осталась при своём мнении старушка. – А Кате он сказал, что вернётся поздно и дверь сам откроет.

– Наверное, Гусаров не часто возвращался домой под утро?

– Знамо дело, не часто, – согласилась старушка, – в ином случае и жена с ангельским терпением не выдержит. Но Борька-то с Катей и не так много прожили. Когда он её сюда привёл, она совсем девчонкой была.

– А до этого Борис Аввакумович жил один?

– Не всегда. У него до Кати ещё две жены было, и обе от него сами ушли.

– Почему?

– Не было у них столько терпения, как у Кати. – Костина внимательно посмотрела на Мирославу, потом махнула рукой и, пробормотав себе под нос: «Только ради Нюси», сказала: – Ведь Борька в молодости ещё тот гуляка был! От обеих жён погуливал. Вот они и не выдержали.

– А от Кати?

– Последнее время вроде поутих он. Всё-таки молодость позади, и без вука-вука особо не разгуляешься.

Мирослава не выдержала и рассмеялась.

– Чего это вы, Мирослава, смеётесь? Это нам, девочкам, – старушка озорно подмигнула детективу, – гулять можно хоть до ста лет, а мужской век в этом плане недолог.

– Говорят, на Кавказе отцами и в сто лет становятся.

– Так это на Кавказе, – отмахнулась Любовь Петровна, – а у нас, как говорит мой внук, экология и стрессы.

– Любовь Петровна, а вы не знаете, здесь во дворе Гусаров ни с кем, кроме Михаила Петровича, не конфликтовал?

– Явно нет, а так, кто его знает, – неопределённо отозвалась старушка и добавила: – Но скорее всего, Борю просто ограбили.

– Почему вы так думаете?

– Так деньги у него и телефон дорогой пропали. И стукнули его прутом. Если бы планировали счёты свести, то оружие какое-никакое с собой бы прихватили.

«Тоже верно, – подумала Мирослава, – всё говорит о том, что убийство было спонтанным».

– А дети к Гусарову часто в гости приходили?

– Да какие у Бори дети? Одна дочь Ариадна от первой жены. Она частенько к отцу навещалась. И с Катей они ладили.

– Но дочь, вероятно, замужем, – проговорила Мирослава, не собираясь сообщать старушке, что это ей точно известно.

– Замужем, а как же, – согласилась Костина, – за художником. И дети у них есть. Но я что-то не видела, чтобы Ариадна приходила сюда с мужем и детьми. Всё как-то одна наезжала и чаще всего с сумками.

– Гусаров нуждался? – удивилась Мирослава.

– Ни в чём Борька не нуждался. Но Ариадна, как заботливая дочь, всегда находила, чем порадовать отца. Сама-то она дама самостоятельная, бизнесом занимается. Наверное, не успевает деньги состригать. Чего же отца не порадовать?

– И откуда же она их состригает? – не удержалась от шуточного вопроса Мирослава.

– С шерсти Мамона.

– Мамона?

– Ну да, кто там им покровительствует, современным-то бизнесменам.

– Я даже и не знаю, – призналась Мирослава, удивляясь продвинутой старушки, и подумала, что её не иначе как внуки просвещают.

– А я грешным делом, когда узнала, что Борю убили, сразу же об Аркаше подумала.

– Об Аркаше?

– Ну да, в квартире рядом с Гусаровыми живёт Аркаша Морозов с женой Ниной. Я и подумала, может, обознались и вместо Аркаши убили Бориса.

– А почему вы считаете, что Аркадия должны были убить?

– Так он торговлей занимается. У него два магазинчика на губернском рынке. Деньги у Аркаши имеются. А тут не так давно он был навеселе и хвалился во дворе, что скоро переедет от нас, так как деньги заработал на квартиру в центре. Вот я и подумала...

– А полиции вы об Аркадии сказали?

– Сказала, – отмахнулась Костина, – но они моё сообщение мимо ушей пропустили.

– Скорее всего, они с самим Аркадием говорили или с его женой.

– Нинка-то баба глупая!

– Почему вы так решили?

– Так она целыми днями по салонам скачет, букли себе на башке крутит и жарится в микроволновке.

– В микроволновке? – изумилась Мирослава.

– Я забыла, как она точно называется. Туда помещают тело, и оно жарится. Вроде бы как на солнышке.

– А, солярий, наверное? – догадалась Мирослава.

– Он самый! – обрадовалась старушка.

– Хорошо, я учту и эту вашу версию, – сказала Волгина.

– Какие мои версии, – засмутилась Любовь Петровна, – так, мысли разные в голову лезут. Да никто меня особо, кроме Нюси моей, не слушает.

– Что же, – детектив опустила Нюсю, к этому времени уже задремавшую у неё на коленях, на пол и сказала, – хорошо у вас, Любовь Петровна. Но дела сами собой не двигаются.

– И то верно, – согласилась старушка, – вам, молодым, недосуг с нами, стариками, сидеть. Спасибо вам за Нюсю и забегайте, если что.

– Обязательно.

Глава 7

Мирослава поднялась на третий этаж и позвонила в квартиру Гусаровых. Ей довольно долго не открывали, но она почувствовала, как кто-то пристально рассматривает её в глазок. Она уже хотела ещё раз нажать на кнопку звонка, но тут тонкий женский голос спросил:

– Вы кто?

– Детектив, Мирослава Волгина.

Дверь тут же открылась, и молодая женщина с покрасневшими от слёз глазами спросила:

– Вас Ариадна наняла?

– Собственно...

– Она мне утром позвонила и предупредила.

– Хорошо. Я могу войти?

– Да, конечно, простите. – Женщина быстро отступила в глубь квартиры и вскоре зашлёпала босыми ногами по полу.

Мирослава пошла за ней и оказалась в светлой спальне. Всё её пространство занимали огромная кровать, шкаф, трюмо, стоявшее в углу кресло и пара пуфиков. Екатерина Гусарова сразу забралась с ногами на кровать и закуталась в плед. Под спину она подложила подушку, а ноги притянула к груди так, что подбородок лежал на коленях.

– Простите, – сказала она, – меня всё время знобит, можно я буду сидеть здесь?

– Да, конечно. Я хотела бы задать вам несколько вопросов, – Мирослава взяла пуфик и придвинула его к кровати.

– Задавайте. Хотя меня уже подробно расспрашивала полиция.

– Кто вам сообщил о гибели вашего мужа?

– Полиция, вернее следователь, маленький такой. – Она показала рукой расстояние от пола – чуть выше кровати.

«Бедный Наполеонов, – невольно улыбнулась про себя Мирослава».

– А что вы делали в это время? – спросила она хозяйку квартиры, – я имею в виду до того, как полиция позвонила в вашу дверь?

– Я? – удивилась Екатерина. – Спала, конечно. Ведь было очень рано.

– Вас не тревожило то, что мужа нет дома?

– Борис предупредил меня, что придёт поздно, и велел не дожидаться его и ложиться спать.

– Что было дальше?

– Мне велели одеться и спуститься вниз. Там я увидела Борю. И всё! – На глазах женщины снова выступили слёзы.

– Вы жили с мужем вдвоём?

– Да. Но у Бори есть дочь. Когда полиция оставила меня в покое, я сразу позвонила Ариадне, и она приехала.

– Кроме дочери у вашего мужа есть родственники?

– Бывшие жёны...

– Их не принято считать родственниками.

– Ещё у Бори есть тётка.

– Как её зовут?

– Тамара Ивановна Семькина.

– Они часто общались?

– Я не знаю.

– То есть, если я вас правильно поняла, Тамара Ивановна сюда не приезжала?

– Нет, – молодая женщина покачала головой, – Боря сам к ней ездил.

– А вы?

Екатерина пожала плечами.

– Она же не моя тётка, а Борина.

– А дочь вашего мужа часто вас навещала?

– Да, Ариадна часто к нам приезжала.

– С семьёй?

– Обычно одна. Но мы с Борей ездили к ним вместе. У Ариадны за городом большой дом, – глаза Екатерины загорелись, – у них чудесный сад, много цветов, а через две улицы от них речка с песчаным пляжем.

– Вам нравилось там?

– Да, очень, – призналась женщина, – я люблю купаться. Иногда мы все ходили на речку.

Но чаще я одна или с Андреем.

– Андрей – это кто?

– Младший брат Ариадниного мужа.

– Он вам нравится?

– Нормальный парень. Во всём помогает Илье. Но Ариадна говорит, что он бабник, – Катя смешно наморщила нос.

– А за вами он пытался ухаживать?

– Что вы! – искренне возмутилась женщина. – Конечно нет. Я же его брату как бы тёща. –

Она едва заметно улыбнулась.

«Вот именно, как бы», – подумала Мирослава и сказала вслух:

– Вы ещё как бы и бабушка.

Катя от удивления округлила глаза.

– Я имею в виду детей Ариадны, – пояснила Мирослава.

– Ах, это. – Катя задумалась. – Наверное, и так можно сказать...

– Вы общаетесь с ними?

– Немного.

– Вы не любите детей?

– Я своих хотела, – ответила женщина и отвернулась.

– Что ж...

– Но ничего у нас с Борей не получилось. – Она помолчала и добавила: – Я даже думаю, что Боря не хотел наших детей.

– Наверное, вы ошибаетесь.

Но Екатерина упрямо помотала головой.

Мирослава решила сменить тему.

– Я узнала, что ваш сосед занимается бизнесом.

– Аркаша? Да, у него есть торговые точки на рынке.

– Как вы думаете, преступник не мог ошибиться и спутать вашего мужа с соседом?

– Не думаю, – проговорила Катя. – Аркаше немногим за тридцать, а моему мужу пятьдесят один год. Потом Борис подтянутый, стройный. А Аркадий располнел раньше времени, можно даже сказать, расплылся.

– Говорят, что ночью все кошки серы.

– Но не настолько, – фыркнула Екатерина. Мирослава поняла, что женщина невысокого мнения о своём соседе.

– Говорят, что Морозовы хотят съехать отсюда?

– Скатертью дорожка.

– И всё-таки вы не думаете, что охотились за деньгами Морозова и по ошибке напали на вашего мужа?

– Нет. Я так не думаю. К тому же Аркадий с Ниной уехали в Турцию неделю назад. И если бы кто-то решил ограбить Аркадия, то знал бы об этом.

– Если грабитель не дилетант.

– Нет, я уверена, что убить хотели именно Борю.

– Но вы не знаете, за что?

– Представления не имею, – вздохнула Катя.

– Вы не подозреваете своего соседа Шахматова?

– Дядю Мишу? – удивилась Екатерина искренне. – Нет, конечно. Кто-то из соседей натрепал, что они поссорились из-за автостоянки. Но не такой дядя Миша человек, чтобы драться, а тем более убивать. Он бы Борю по судам затаскал и добился бы, как я думаю, сноса стоянки. Мне легче представить, – добавила она, – как Боря напал на дядю Мишу.

– Ваш муж был забиякой?

– В прямом смысле не был. Но любил настаивать на своём.

– Вас это не напрягало?

– Когда как, – призналась Катя. – Но спасало то, что я моложе Бориса и воспринимала его не только как мужа, но и как отца.

– Вам мало своих родителей? – вскользь спросила Мирослава.

– Мои родители далеко отсюда, я давно их не видела.

– Имея скайп...

– Они не принимают этих новшеств.

– Понятно. Но вы хотя бы созваниваетесь?

– Редко. У них свои заботы.

Мирослава поняла, что женщина не хочет говорить о своих взаимоотношениях с родителями, и не стала настаивать.

– Так что Боря в какой-то мере заменял мне отца, – снова озвучила свою мысль Екатерина.

– Вы собираетесь остаться жить здесь?

– А куда же мне ещё идти? – Катя развела руками. – Вот только Боря был категорически против того, чтобы я работала. Теперь же меня содержать некому, и придётся искать работу.

– У вас есть какие-то навыки?

Женщина снова пожала плечами.

– Я окончила институт и нигде не работала. Но Ариадна обещала мне помочь.

– Как я понимаю, у вас хорошие отношения с дочерью мужа?

– Да, я хорошо отношусь к Ариадне, и она меня всегда поддерживала, подбадривала, если я вешала нос.

– А что, для этого были причины?

– Для чего? – не поняла Екатерина.

– Для того, чтобы повесить нос.

– О, а то вы не знаете, что в жизни всегда есть место подвигу. – В голосе женщины зазвела грусть.

«Да в этом семействе не всё было так гладко, – подумала Мирослава, – как кажется на первый взгляд, скорее всего, молодую женщину угнетала жизнь в золотой клетке. И если не всегда, то последнее время это, скорее всего, имело место быть».

Выйдя из подъезда, Мирослава сразу увидела пожилого мужчину с небольшой собакой. На морде пса было написано одно сплошное удовольствие. Видимо пёс был доволен и прогулкой, и отличной погодой, и своим хозяином.

– Здравствуйте, Михаил Петрович, – поприветствовала его Мирослава.

– Здравствуйте, если не шутите, – слегка удивился Шахматов и добавил: – Только не припомню, чтобы мы с вами где-то до этого встречались.

– Мы и не встречались, – дружелюбно ответила Мирослава, – я частный детектив Мирослава Волгина. И здесь по делу об убийстве Бориса Гусарова.

– Я уже догадался об этом.

– Вы не могли бы уделить мне немного своего времени?

– Мог бы. Но если вы тоже подозреваете меня в убийстве Бориса...

– Нет, ни в чём таком я вас не подозреваю.

Шахматов пристально посмотрел в её серовато-зелёные глаза и понял, что она его не обманывает.

– Хорошо, – сказал он, – давайте поговорим. Но только предлагаю уйти с глаз всех вольных и невольных наблюдателей и поговорить за домом. Там есть скамеечка и чудесный лужок с колокольчиками.

– С колокольчиками? – переспросила Мирослава. – Звучит заманчиво, – ведите меня в свой уютный уголок.

– Он действительно уютный, – заверил её Шахматов, – если вы мне не верите, то скоро убедитесь сами.

– У меня нет оснований не верить вам.

– А разве девизом сыщиков не является – всё подвергай сомнению?

– Это зависит от ситуации, – серьёзно заверила его Мирослава.

– Тотоша! – окликнул Михаил Петрович свою собаку, и вся троица двинулась в путь.

Когда они пришли на место, Мирослава была приятно удивлена. За домом, на приличном расстоянии от здания, действительно был зелёный лужок, на котором росли самые настоящие колокольчики. А неподалёку стояла деревянная скамейка, которая была свободна. Шахматов и Мирослава присели на скамью, а Тотоша, вопросительно гавкнув в сторону хозяина и получив одобрительный кивок, умчался на лужок.

– Он там за бабочками бегает, – пояснил Михаил Петрович и добавил с улыбкой: – К счастью, ни одну не поймал, только распугивает их и заливается счастливым лаем. Просто дитя.

При этом взгляд Шахматова, когда он рассказывал о своём рыжем пёсике, становился таким умилённым, словно он и впрямь говорил о любимом ребёнке, например о шаловливом внуке.

Мирослава не мешала пожилому мужчине изливать свою нежность к питомцу и только потом перешла к делу.

– Михаил Петрович, я понимаю, что вам неприятно вспоминать о том утре...

– Я всё понимаю. Спрашивайте.

– Вы всегда выходите гулять с Тотошей в одно и то же время?

– Плюс-минус несколько минут.

– А маршрут у вас тоже постоянный?

– Как правило, да.

– И все об этом знают?

– Соседи, родные знают.

– То есть человек, не живущий в вашем дворе, мог и не знать о времени и месте ваших прогулок с Тотошей?

– Естественно.

– Я это к тому, что свидетели преступникам не нужны, и вы оказались неучтённым фактором.

– Вы хотите сказать, что если бы преступник знал, что есть риск обнаружения трупа Гусарова в столь короткий промежуток времени после убийства, то он не стал бы убивать его?

– Почему не стал бы, просто постарался бы заманить его подальше.

– Но уже наступало утро. И люди вот-вот могли выйти из дома. Вряд ли у преступника было время и возможность уговорить Гусарова куда-либо пойти с ним.

– Вы правы. Скорее всего, убийство было спонтанным.

– А может быть, это всё-таки был грабитель? Например, наркоман, которому позарез понадобились деньги.

– Этого нельзя исключать. Но что-то подсказывает мне, что убил Гусарова человек, которого он неплохо знал.

– Для такого жесткого убийства должна быть причина.

– Наверное, она была.

– Но ведь Борис не был богатеем. Конечно, он не был гол как сокол. Но квартира, машина и какая-то сумма денег ещё не повод для убийства.

– Убивают и за пятьсот рублей.

– Это да. Но незнакомого человека.

Мирослава задумалась.

«Наследство же могут получить только Екатерина и Ариадна. Но им обоим незачем было рисковать. Ариадна сама зарабатывает деньги и содержит семью. А Катю, по-моему, устраивало то, что она жила за Борисом как за каменной стеной, на всём готовом».

– Может быть, молодая женщина мечтала о большей свободе? – произнесла она вслух.

– Так Борис её ни в чём не ограничивал.

– Однако, как мне известно, Катя не работала по желанию мужа.

– Вы меня, конечно, извините, – сказал Шахматов, – но мне кажется, что невозможно заставить женщину, тем более бездетную, сидеть дома, если она сама этого не захочет.

– По-моему, Екатерина Гусарова не обладает волей к сопротивлению, – задумчиво проговорила Мирослава.

– Не знаю, не знаю, – покачал головой Шахматов.

– К тому же у молодой женщины не было друзей, в смысле подруг.

– Сначала, когда она училась в институте, подружки у неё были. Она ведь вышла замуж за Боря, будучи ещё студенткой. И кстати, того же вуза, где преподавал Борис. А потом, как мне кажется, она сама отшила всех подружек.

– Зачем?

– Не зачем, а почему, – улыбнулся мужчина.

– Так почему же? – улыбнулась ему в ответ Мирослава.

– Чтобы не иметь конкуренток.

– О!

– Да-да! Боря-то был большим ходок, – Михаил Петрович задумчиво почесал подбородок.

– Я не вижу смысла в этом поступке Кати. Предположим, она отказала от дома своим подругам, но Борис Аввакумович продолжал преподавать в вузе и имел возможность ухаживать за молодыми девушками на рабочем месте.

– Не каждый женатый и уважаемый коллегами и начальством мужчина решится рискнуть своим статусом.

– Он мог назначать им свидания вне стен альма-матер.

– Мог, но слухи всё равно рано или поздно поползли бы. Другое дело вхожие в дом подруги жены, которые уже не учатся в вузе, а работают в разных местах.

– В чём-то вы, наверно, правы, Михаил Петрович... – задумчиво проговорила детектив.

– И всё-таки эта версия вас не устраивает, – улыбнулся Шахматов.

– Угу.

– И к чему вы склоняетесь сами?

– К ссоре.

– Со мной?!

– Нет. Этот вопрос мы уже с вами обсуждали.

- Но Борис больше ни с кем, кроме меня, не ругался.
- Этого мы с вами знать не можем.
- Что ж, вы детектив, вам и карты в руки.
- Спасибо, что поговорили со мной, Михаил Петрович, и показали мне это чудесное место.
- Тотоша! – крикнула Мирослава, и пёс почти мгновенно вынырнул из волн зелёной травы. Волгина ласково потрепала его по загривку. – Пока, лучший друг человека. – Потом она попрощалась с хозяином пса и ушла.

Глава 8

Усевшись в машину, она уткнулась в сотовый телефон и, выудив нужную информацию, заказала сетки на окна в квартире Любви Петровны Костиной. Очень ей не хотелось, чтобы Нюся снова выпрыгнула из окна и забралась на дерево. Или, не дай бог, попала в другую неприятную историю. Волгина оплатила онлайн заказ и позвонила хозяйке Нюси, предупредив её о приходе мастеров. Та сначала разохалась, а потом рассыпалась в благодарностях и попросила не забывать их с Нюсей и навещать хоть пару раз в год. Мирослава рассмеялась и пообещала как-нибудь непременно заглянуть на чай с ватрушками и вареньем. Следующий звонок она сделала Миндаугасу, предупредив его, что задержится, так как решила заодно навестить и тётку покойного Бориса Гусарова.

До дома, в котором жила Тамара Ивановна Семькина, детектив добралась за сорок минут. Предупреждать пожилую женщину предварительным звонком она не стала. Если бы Мирославу спросили, почему она так поступила, то детектив сослалась бы на наитие. Можно, конечно, подкопаться и в сторону логики. Например, пожилые женщины не любят общаться с посторонними людьми, тем более говорить с ними о своих родственниках. И если даже будут вынуждены сделать это, то, предупреждённые заранее, такого насочиняют, что отделять зёрна от плевел придётся ни один день, и ещё неизвестно, получится ли это сделать. Зато фактор внезапности лишает человека возможности подготовиться к разговору и составить хотя бы примерный план ухода от нежелательных вопросов.

Наитие или расчёт Мирославы оказались верными. К тому же она не позвонила Семькиной и по домофону. Вернее позвонила, но в другую квартиру и на вопрос «Кто там», назвала безошибочное, можно сказать, магическое слово – «почта». Дверь тотчас открылась. Из чего можно было сделать вывод, что даже в пещеру сокровищ можно проникнуть без проблем, произнеся вместо «сим-сим, откройся» слово «почта».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.